

Мэн Ци пристально смотрел на Мо Ли и задумчиво произнёс:

— Однако странно, что доктор никогда не был на горе Заоблачной. Как ты можешь быть уверен, что там тоже есть дух горы? Если мы — духи, то близость к духу горы естественна. Но доктор лечит меня и спешит в Тайцзин. Какое это имеет отношение к духу горы?

— ...

Мо Ли хотел оглушить Мэн Ци.

Лучше бы он оставался в помутнённом состоянии — это было бы спокойнее!

Чем больше говоришь, тем больше ошибок. Мо Ли решительно закрыл глаза, отказываясь продолжать разговор.

Холодный ветер пронёсся через сосновый лес, и снова начал падать снег.

Под деревом Мо Ли сидел неподвижно, несколько прядей его собранных волос выбились и упали на щёки.

Его профиль был мягким, уголки губ слегка приподняты, но настолько незначительно, что это почти незаметно. Однако именно из-за этого, даже когда его выражение было серьёзным и холодным, он не вызывал напряжения.

Если бы он открыл глаза и посмотрел на кого-то с теплотой, сердце этого человека наверняка пропустило бы удар.

Мэн Ци подумал, что не только он, но и все, кто видел доктора на рынке, когда тот лечил людей, чувствовали то же самое. Сначала он испытывал лёгкую досаду, но вскоре был очарован тем, как доктор внимательно измерял пульс и аккуратно ставил иглы, и не мог оторвать взгляда.

Не важно, кто это был — все поддавали под его обаяние.

Когда доктор говорил, он делал это спокойно и размеренно.

— Но даже когда он молчал, он притягивал взгляды.

Мэн Ци провёл взглядом от лба Мо Ли до переносицы, затем задержался на губах и перевёл взгляд на уши, полуприкрытые волосами.

Мочки ушей были полными, а верхушки — тонкими. Возможно, именно поэтому, когда уши краснели, это было особенно заметно. Мо Ли знал об этом недостатке и поэтому всегда смотрел прямо на собеседника, взгляд его был твёрдым, выражение лица — безупречным, а его манера держаться не позволяла окружающим замечать его слабости.

Мэн Ци обнаружил этот секрет только после того, как превратился в песчанку.

Цвет был как у спелого граната, и ему очень хотелось укусить.

Толстая песчанка сдержалась, потому что, стоя на плече Мо Ли, она могла дотянуться только до мочки уха, и ей приходилось смотреть вверх.

Такая форма была крайне неудобной. Если бы это был величественный и грозный кречет, то, стоя на плече, он бы точно... хотя нет, это не подходило. Если бы хищная птица укусила, независимо от силы, кусочек мяса был бы оторван. Этого нельзя допустить.

Доктор не стал бы держать кречета в руках или на груди.

Ладно, песчанка так песчанка, ничего страшного.

— ...Ммм?

Кажется, кончики ушей покраснели? Или это иллюзия?

Мэн Ци внезапно встретился с взглядом, полным раздражения, и понял, что он больше не песчанка, а его взгляд был слишком откровенным, и доктор это почувствовал.

— Брат Мэн, ночь уже глубокая, пора отдыхать.

Мо Ли на мгновение подумал о том, чтобы отвести этого парня к своему учителю, чтобы тот преподавал ему урок о принципах здорового образа жизни.

С чего это он вдруг решил не спать ночью?!

Пока Мо Ли был не в духе, Мэн Ци странным образом понял его слова совсем по-другому.

Когда у него был приступ безумия, он ворвался в управление Цзиньивэй и убил заместителя командующего. Выйдя оттуда, он немного пришёл в себя и остановился на крыше одного из домов, где случайно услышал разговор пары мелких чиновников.

Ночь уже наступила, пора ложиться спать.

Затем последовали звуки супружеских утех. Мэн Ци, невольно подслушав, был вынужден отступить.

Сказать, что он бежал в панике, было бы преувеличением. В конце концов, супружеские отношения — это обычное дело, и случайно стать свидетелем такого — не редкость. Прожив долгую жизнь, чего только не увидишь?

В молодости Мэн Ци даже ловил солдат, нарушивших приказ и ушедших из лагеря в кварталы красных фонарей.

Какие тут могут быть тонкости? Раздевали до гола, связывали и отправляли обратно для наказания, не обращая внимания на то, что они делали в комнате. Разве кто-то боялся навлечь на себя беду?

Возможно, из-за многолетней службы в армии Мэн Ци не имел предрассудков, свойственных моралистам, и не придерживался строгих правил приличия. Ни соблазнительные танцы куртизанок, ни их прекрасные лица и изящные фигуры не вызвали у него интереса. Даже если молодые повесы на пиру обнимали девушек из увеселительных заведений, он мог смотреть на это равнодушно.

Как на дерево, облако или пару диких гусей.

В прошлом друзья шутили, что такое поведение не свойственно человеку, живущему в мире, и потому император Юань из династии Чу считал, что должность государственного наставника лучше всего подходит Мэн Ци, потому что он выглядел так, будто был выше мирских забот.

Сегодня Мэн Ци вдруг вспомнил об этом, а также о том случае, когда он случайно подслушал разговор на крыше.

— Что значит «жить в мире, но сердцем быть в облаках»? Просто он не встретил того самого человека.

Если это не тот человек, то даже самые откровенные слова не вызовут волнения, а сердце останется спокойным.

Если это тот человек, то даже обычные слова могут вызвать бурю фантазий, а сердце будет биться быстрее, хотя внешне он будет сохранять спокойствие.

— Доктор тоже не спит. Если бы ты спал, как бы ты узнал, что я бодрствую? — Мэн Ци прищурился, сыграв в словесную игру, которая была довольно детской. Это было что-то вроде «если ты не смотришь на меня, как ты знаешь, что я смотрю на тебя?»

Мо Ли, конечно, не мог проиграть из-за такой фразы, у него был веский аргумент.

— Брат Мэн, твоё состояние немного улучшилось, и ты уже не слушаешь указаний врача?

— Ночь длинная, спать не хочется. Пожалуйста, научи меня, доктор, — Мэн Ци ответил легко, парируя удар.

Доктор был прекрасным врачом и образованным человеком, но в стратегии государственный наставник Мэн был настоящим мастером.

Война не знает постоянных правил, вода не имеет постоянной формы. Чтобы захватить укреплённый город, не нужно придерживаться формальностей! Что толку от щепетильности? Она не поможет одержать победу, так зачем она нужна?

— Когда я был белой песчанкой, я хорошо выспался. Если подумать, это был первый раз за много лет, когда я спал так глубоко, — Мэн Ци принял серьёзный вид, как будто обращался за советом, и спросил:

— Тогда я слышал гул водопада, вокруг было тепло, и я погрузился в глубокий сон, не желая просыпаться.

Мо Ли неподвижно смотрел на свой дорожный мешок, лицо его было холодным.

Однако Мэн Ци уже знал его секрет и продолжал смотреть на уши Мо Ли.

Ммм, только слегка покраснели.

Возможно, это смущение, а может быть, лёгкое раздражение.

Мэн Ци быстро изменил стратегию, решив не заходить слишком далеко, и как бы невзначай сказал:

— Однако баранина, которую принёс молодой господин Золотой Феникс, была поистине удивительной. Её слегка поджарили на огне, и это прервало мой сон. Эх, все мечты и желания в этом мире сводятся к тому, чтобы набить желудок. Как ты думаешь, доктор?

Эти слова были глубокими, и Мо Ли задумался. Действительно, так и есть.

Неважно, хочет ли кто-то захватить трон или спасти мир, если люди не могут прокормить себя, кто будет заботиться о правильности их действий?

— Сила одного человека — как она может спасти весь мир? — Мо Ли невольно повторил слова господина Циня.

Мэн Ци естественно ответил:

— Я когда-то думал, что, изменив человека, который правит миром, сменив фамилию у власти и очистив двор, можно изменить мир. Но я ошибался.

Это касалось личной жизни Мэн Ци, его боли.

Даже сейчас, когда он сам заговорил об этом, Мо Ли чувствовал, что не стоит вмешиваться с оценками, конечно, если только Мэн Ци не начинал сходить с ума.

— Позже я встретил тебя, доктор, и услышал слова Нин Чаньюаня, которые глубоко меня тронули.

Мэн Ци помнил, как Нин Чаньюань впечатлил Мо Ли. Хотя даос Нин заслуживал уважения, Мэн Ци не мог отступить. Это не было спором из-за амбиций, это была половина его жизненной цели.

— Изменять мир сверху вниз — это неправильно. Нужно начинать с народа. Господин Цинь путешествует по миру, лечит людей — это сила одного человека. Даос Нин спасает людей и распространяет добродетель — это сила нескольких человек. По сравнению со всем миром, это капля в море. Нин Чаньюань сам говорил, что он не требует от большинства людей многого, потому что они едва справляются с собственными проблемами. Но что, если в каждом доме будет достаточно еды? Когда амбары полны, люди знают о приличиях, а когда их желудки сыты, они знают о чести.

Мо Ли тоже не хотел спать и серьёзно сказал:

— В этом есть смысл, но как сделать так, чтобы в каждом доме было достаточно еды? Я слышал, что в Цзяннани каждый год хороший урожай, но арендаторы всё равно разоряются.

Мэн Ци не спеша ответил:

— С древних времён, как бы мир ни менялся, как бы ни менялись люди, всё вращается вокруг старых правил. Если не выйти за их пределы, старые противоречия не исчезнут, а новые проблемы появятся. Как ты сказал, доктор, в урожайный год арендаторы умирают от голода. В чём же причина?

— Знатные семьи и сильные мира сего угнетают народ, взимая высокую арендную плату?

<http://bllate.org/book/15299/1351854>